

Л. Виллари

ВОЙНА НА ИТАЛЬЯНСКОМ ФРОНТЕ

1915 – 1918

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Луиджи Виллари
Война на Итальянском
фронте. 1915-1918
Серия «Военно-историческая
библиотека (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74162206

Л. Виллари. Война на Итальянском фронте. 1915–1918: ООО

«Издательство «Вече»; Москва; 2026

ISBN 978-5-4484-5960-3

Аннотация

В нашей стране издано сравнительно небольшое число книг, освещающих участие Италии в Первой мировой войне. Первой из них стала книга Луиджи Виллари, увидевшая свет в 1936 году. Несмотря на известную тенденциозность, вызванную стремлением всячески подчеркнуть вклад Италии в общую победу стран Антанты, книга весьма подробно рассказывает о событиях на Итальянском фронте на протяжении всей войны, не исключая тяжелейшего поражения итальянской армии при Капоретто, и будет интересна для всех интересующихся историей Первой мировой войны.

Содержание

Предисловие	5
Предисловие к английскому изданию	7
Введение	12
Глава первая. Начало Мировой войны	16
Глава вторая. Выступление Италии	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Луиджи Виллари Война на Итальянском фронте. 1915–1918

© ООО «Издательство «Вече», 2026

* * *

Предисловие

Автор этой книги – итальянский историк, журналист и дипломат Луиджи Виллари (1876–1959) – был сыном итальянского историка и политического деятеля Паскуале Виллари, некоторое время занимавшего пост министра просвещения Италии. К тому времени, как в 1932 г. в Лондоне была издана его книга «Война на Итальянском фронте 1915–1918 гг.», он уже являлся автором нескольких работ, был известен как путешественник и даже провел некоторое время на дипломатической службе.

«Война на Итальянском фронте 1915–1918 гг.» была призвана продемонстрировать вклад итальянского народа в победу Антанты в Первой мировой войне 1914–1918 гг., в которой Италия ради завершения национального объединения итальянцев выступила против своих союзников по Тройственному союзу 1882 г. – Австро-Венгрии и Германии, – и от которой, несмотря на приложенные усилия, добилась относительно скромных результатов, что создало предпосылки для установления экспансионистского фашистского режима Б. Муссолини в 1922 г.

На русском языке книга Виллари вышла в свет в 1936 г. в переводе, со вступительной статьей, комментариями и военными схемами И. Салитана (1891–1938) и с тех пор не переиздавалась. В настоящем издании с незначительными ор-

фотографическими изменениями воспроизводится текст этого перевода; вступительная статья И. Солитана опущена, а комментарии даны с сокращениями; поскольку комментарии автора и переводчика устарели, они дополнены в квадратных скобках, а в ряде случаев заменены новыми комментариями.

Кандидат исторических наук Д. А. Боровков

Предисловие к английскому изданию

Написанный моим другом Луиджи Виллари труд о военных действиях в Италии в 1915–1918 гг., наконец-то, дает возможность английским читателям понять исключительные трудности ведения войны на альпийском фронте. Пожалуй, трудно найти более подходящего человека, который мог бы так, как это сделал автор этого труда, рассказать англичанам про итальянцев и наоборот. Автор имеет то преимущество, что он на редкость хорошо знает оба эти языка, а кроме того, обстоятельства дали ему возможность изучить самые тонкие стороны характера, нравов и обычаев обоих народов, так существенно различных и в то же время столь готовых, как неоднократно показывает нам опыт, воздать друг другу должное. Этот труд, материал для которого почерпнут из авторитетных источников, является ценным по двум причинам. Во-первых, потому, что на английском языке до сего времени еще не издано такой книги, которая давала бы полную и законченную картину о войне в Италии. И, во-вторых, потому, что до тех пор, пока Капоретто не привело к необходимости активного взаимодействия между союзными войсками, наш (английский. — *Прим. пер.*) народ, непрерывно следивший за судьбой своих собственных армий на запад-

ном фронте, мог уделить относительно мало внимания тщательному изучению той трудной кампании, которую вел наш союзник.

Договоры¹, оформившие объединение Италии, дали ей северные равнины и подножия Альп, но оставили это новое королевство под постоянной угрозой со стороны командующих горных высот, находящихся в руках его векового врага. История всех жертв, понесенных при захвате и удержании некоторых важных для Италии в стратегическом отношении районов горного хребта, история ожесточенной борьбы на оголенных и диких скалах Карсо и, наконец, история 11 сражений на Изонцо – очень мало известны большинству англичан. Равным образом, вряд ли они когда-либо имели возможность подумать над тем, что означало для жителей южной Италии, непривычных к суровому альпийскому климату, привыкать к новым условиям жизни на самой границе снежной линии гор и даже выше нее. Когда в декабре 1917 г. несколько британских дивизий прибыло в Италию и смогло увидеть район боевых действий, вся армия уже отступила на линию реки Пьяве, в район, гораздо более благоприятный для боевых действий и фактически относительно более

¹ Речь идет о включении в состав Итальянского королевства ряда приграничных областей, в частности на северо-востоке Италии, населенных итальянскими народностями, но оставшимися после объединения Италии в XIX в. в составе Австро-Венгрии. Стремление к воссоединению этих областей с Италией (ирредендизм) и послужило одной из главных причин взаимной вражды и ненависти Австрии и Италии. – *Примеч. пер.*

удобный по сравнению с территорией, на которой протекали первые фазы войны. И к тому же, после того, как последняя атака австрийцев на новую линию фронта была остановлена и затем отбита, прошел длительный период времени сравнительного затишья, прежде чем Италия перешла в октябре 1918 г. в наступление, которое привело к решительной победе у Витторио-Венето и к перемирию.

Событиям, предшествовавшим вступлению Италии в мировую войну и получившим уже подробное освещение в других трудах, автор уделил мало места, всего лишь одну главу. Собственно говоря, он не выходит из рамок описания лишь военного участия Италии в общей борьбе союзников. Он редко уклоняется от чисто военных вопросов, но если он это делает, то для того, чтобы, например, в отдельных местах сказать об одном из возникших в те тяжелые годы серьезнейших затруднений, заключавшемся в ненадежности и всяческих задержках в регулярном ввозе угля и прочих припасов, необходимых Италии, целиком зависевшей от импорта, и в то время, когда, в силу различных обстоятельств, эта страна сделалась такой же островной страной, как и Англия. Подвиги, совершенные при выполнении инженерных работ по прокладке дорог и воздушных проволочных линий связи в высоких ущельях, до того известных лишь редкому населению альпийских долин, может полностью оценить лишь тот, кто видел эти замечательные сооружения, и даже книга Виллари мало поможет читателю создать себе ясное представление

обо всех тех препятствиях, которые пришлось преодолеть. Но о длительной и отважной борьбе против армии, причислявшейся к самым сильным и наилучше подготовленным в Европе, об упорстве, с которым атаки на казавшиеся неприступными позиции возобновлялись и велись, а позиции, будучи потеряны, захватывались снова, об удивительном восстановлении положения в разбитой и отступающей армии и о последнем победном наступлении – читатели прочтут с интересом и восхищением. Я также думаю, что они высоко оценят откровенность, с которой автор вскрывает допущенные ошибки и просчеты, и его неизменное стремление быть беспристрастным. Он всячески избегает спорных вопросов. В то же время в краткой заключительной главе, где автор подытоживает относительные потери трех главнейших союзных европейских держав, он не прочь – этого не станет, по всей вероятности, отрицать и сам автор – попытаться деликатно подчеркнуть, что в известных кругах не получили должной оценки те огромные усилия, которые проявила самая молодая и бедная из этих держав.

При изучении великих исторических событий в их исторической перспективе существенную помощь нам может оказать введение в анализ тех или иных гипотез. Если бы Италия не выступила на стороне союзников и сразу же не приковала бы к себе около 20 австро-венгерских дивизий; если бы она, после выхода из войны России, не сдерживала на Изонцо и на Пьяве почти всю военную мощь Австро-Вен-

грии – от 50 до 60 дивизий; если бы Германия и Австрия получили возможность перебросить всю эту огромную массу войск на западный фронт, – могли ли бы союзники устоять хотя бы лишь против одной численности врага? То, что Италия ценою жизни 14 процентов своих мобилизованных сынов стойко держалась в добрые и тяжелые времена и, наконец, нанесла под Витторио-Венето поражение такой мощной боевой машине, является нашим долгом, еще не оплаченным этому великодушному и достойному любви народу.

*Реннелл Родд*²

² Реннелл Родд Джеймс [1858–1941] – 1-й барон Реннелл, английский посол в Италии в 1908–1919 гг. – *Примеч. ред.*

Введение

Общеизвестно, что «подробная история различных войн прошлого требовала для своего составления многих десятилетий и что много вопросов, относящихся к войнам, которые велись столетия тому назад, является еще и поныне предметом дискуссии среди историков. Мировая война не составит исключения из этого правила. Большинство фактов недружелюбия между народами, которые совместно воевали и несли жертвы во имя великого общего дела, нужно поистине отнести за счет незнания и непонимания всего того, что сделано отдельными участниками в этой войне.

Это особенно можно отнести к той роли, которую играла Италия, и ко всему, что она сделала для достижения общей победы. Все, что Италия сделала, было не только важным, но и существенно необходимым, ибо без ее выступления на стороне Антанты последняя встретилась бы с гораздо большими трудностями и ей потребовалось бы гораздо больше времени, чтобы выиграть войну, если даже допустить, что при тех условиях победа вообще могла быть достигнута. И все же заслуги Италии в значительной степени игнорируются другими странами! – ее союзниками в войне, хотя – что довольно парадоксально – а теперь более надлежащим образом и по справедливости оценена своими бывшими противниками, некоторые видные военные авторы которых, види-

мо, поняли ту важную роль, которую сыграла Италия лучше, чем авторы союзных стран.

В силу различных политических трений, возникших со времени перемирия между Францией и Италией, большинство французских военных историков считает своим долгом систематически игнорировать заслуги Италии, а в некоторых случаях умышленно умалать и искажать их, хотя имеются, конечно, и отдельные честные исключения.

Даже главные германские труды о войне, как уже переведенные на английский язык, так и намеченные к переводу, вполне естественно, касаются Западного фронта, представляющего большой интерес для англосаксонских читателей.

В то же время итальянская литература о войне является для огромного большинства английских читателей книгой за семью печатями не только потому, что среди этих читателей сравнительно мало знающих итальянский язык, но еще и потому, что почти ни одна итальянская книга о войне, даже такой важный труд, как мемуары покойного маршала Кадорны, не переведена на английский язык. Равным образом и различные германские и австрийские книги о войне на Итальянском фронте не изданы на английском языке.

Кроме того, в Англии не отдают себе отчета в том, что роль итальянских частей на других фронтах вне Италии была очень значительна и об их действиях известно гораздо меньше, чем о действиях британских или французских войск в Италии.

Ценные в других отношениях мемуары покойного фельд-маршала Генри Вильсона содержат в отношении Италии такие полные злобы и неосведомленности строки, что их можно простить лишь в предположении, что они писались недобродуманно.

Имеются и другие английские книги, косвенно затрагивающие войну в Италии, которые являются просто комичными, как, например, книга Уикхема Стида³ «За тридцать лет» (*Wicham Steed. Through Thirty Years*) или Кемпбелла Стюарта⁴ «Тайна дома Крю», но эти книги, конечно, никак не должны приниматься всерьез.

Ко всему сказанному можно добавить, что война в Италии богата многими свойственными лишь ей особенностями, которые резко отличают ее от войны на прочих фронтах. История этой войны может показаться несколько несвязной и непонятной, но это объясняется чрезвычайно пересеченной местностью, на которой велась бои, вследствие чего операции раздроблялись на бесчисленное количество мелких боев на отдельных участках, отрезанных друг от друга. Общая линия фронта становится как будто неясной и неопределенной, за исключением немногих крупных сражений, каковыми яв-

³ Уикхем Сид [1871–1956] – известный консервативный публицист по вопросам внешней политики. Был одно время редактором газеты «Таймс» [1919–1922]. Во время мировой войны был руководителем английской пропагандистской миссии в Италии. – *Примеч. пер.*

⁴ Книга Кемпбелла Стюарта «Тайны дома Крю» издана в русском переводе (ГИЗ, Отдел военной литературы, 1920). – *Примеч. пер.*

ляются сражения у Горицы, Капоретто, на Пьяве и у Витторио-Венето. Эти-то особенные свойства местности и сделали задачу Италии такой невероятно трудной. На протяжении первых 29 месяцев войны, за исключением весьма короткой, узкой полосы на крайнем южном фланге, бои велись почти исключительно в горах, обычно на высоте 1000 м над уровнем моря, во многих случаях свыше 2000 м, а в отдельных местах и свыше 3000 м. После Капоретто общее протяжение фронта сократилось с 640 до 440 км, но и тогда большая часть фронта проходила в горах, а остальная часть – вдоль непроходимой вброд реки.

Учитывая все это, я предположил, что для читателя представит определенный интерес излагаемая ниже краткая история войны, отмечающая роль Италии в борьбе за общее дело. Я не претендую на оригинальность моего труда и тем менее на сенсационные открытия. Я лишь рассказываю эту историю читателям англо-саксонских стран, и если эта книга будет содействовать укреплению дружбы между Италией и англо-саксонскими народами, я буду считать свой труд не напрасным.

Я сознательно не касаюсь операций на море, которые могли бы заполнить еще целый том, и ограничиваюсь лишь разбором отдельных эпизодов, имевших прямую связь с операциями на суше.

Глава первая. Начало Мировой войны

(схема 1)

В самом начале войны в нее оказались вовлеченными: Сербия, Черногория, Бельгия, Россия, Франция, Великобритания и Япония – с одной стороны, и Германия и Австрия – с другой. Италия, Турция, Болгария, Румыния, Греция, США и различные мелкие государства, позже также втянутые в войну, тогда еще сохраняют нейтралитет, а несколько других держав оставались нейтральными до самого конца войны. Одной из нейтральных держав, на которой в августе 1914 г. немедленно было сосредоточено самое пристальное внимание и которую обе воюющие стороны горячо стремились обеспечить себе в качестве союзника, была Италия.

Причины такого внимания к Италии очевидны. Италия была самым большим и самым важным из европейских нейтральных государств, имела самую мощную армию и единственный морской флот, еще не втянутый в войну, и по своему географическому положению могла развернуть боевые действия как в восточном, так и в западном направлениях; поэтому, если бы она решила принять участие в войне, ее выступление могло сильно увеличить шансы на военный успех

той или другой из сторон.

В начале войны трудно было установить, какой из воюющих сторон больше симпатизировал итальянский народ. В течение 30 лет Италия совместно с Австро-Венгрией и Германией была участницей Тройственного союза⁵ и имела также много причин для политических трений с Францией. Фактически вступление Италии в Тройственный союз было продиктовано главным образом обострением отношений с Францией. К тому же Италия значительно улучшила торговые сношения с Германией, особенно после возникновения таможенной войны с Францией в конце XIX в. Италия не имела также особого желания спокойно смотреть на продвижение союзника Франции – России – в сторону Средиземного моря, а возможно, и в сторону Адриатики.

Но к Австро-Венгрии итальянцы никогда не питали симпатий, и союз с нею в этих условиях был даже более, чем союз с Германией, лишь «*marriage de convenance*» («брак по расчету»). Объединение Италии было достигнуто лишь после трех войн против Австрии; ненависть к Австрии была издавна глубоко заложена в итальянском народе, и Австрия продолжала тиранически господствовать в нескольких провинциях с высококультурным итальянским населением или же с населением, хотя и смешанным (итальянцы и юж-

⁵ Тройственным союзом назывался союз Центральных держав: Германии, Австро-Венгрии и Италии. К этому союзу тяготела перед мировой войной и Румыния. – *Примеч. пер.*

ные славяне), но по существу принадлежащим к латинской и итальянской культуре. Несмотря на союз, Австрия все же продолжала представлять собой угрозу безопасности Италии, и продолжала вооружаться против нее, укреплять границы Трентино и Венеции-Джулии⁶ и покрывать приграничный район сетью стратегических шоссейных и железных дорог. Власти натравливали германское и славянское население приграничных провинций против местных итальянцев и даже делали недвусмысленные намеки на то, что владычество Австрии, возможно, расширится за пределы тогдашних границ. Крайний клерикализм Габсбургов и австро-венгерского правительства служил другим поводом к итало-австрийским трениям, а австрийские набожные фанатики были склонны рассматривать Италию как кощунственную державу, так как она вырвала Рим из-под власти пап. Император Франц Иосиф ни разу не посетил короля Умберто в его собственной столице в ответ на визит итальянского короля в Вену, дабы этим официальным признанием права Италии на Вечный город не вызвать неудовольствия папы. Эрцгерцог Франц Фердинанд всегда питал к Италии сильнейшую ненависть. Многие руководящие военные деятели Австро-Венгрии испытывали явное нетерпение в своем желании напасть на Италию, а генерал (впоследствии фельдмаршал) Конрад фон Гетцендорф неоднократно предлагал начать «превен-

⁶ Венеция-Джулия (Venezia-Giulia) – так называется восточная часть Венецианской области (район Юлийских Альп). – *Примеч. пер.*

тивную войну» против нее, и если император и наследник престола не соглашались на это, то скорее потому, что они считали это несвоевременным, чем из чувства симпатии к Италии.

Сверх того, Центральные державы своим методом подготовки и объявления войны определенно нарушили условия союза с Италией, поскольку они преднамеренно совершили агрессивный акт, подготовили военные действия против Сербии и собирались оккупировать часть Балкан, не согласовав этого вопроса с Италией. Наконец, имелся дополнительный договор, согласно которому Италия не обязана была выступить на войну на стороне союзников, если Англия очутится в противном лагере, а именно такая обстановка и создалась. Независимо от договорных обязательств, дружба с Великобританией была для Италии в такой же мере традиционной, как и антипатия к Австрии.

По всем этим причинам Италия имела юридическое и моральное право свободного выбора: выступить ли на войну на стороне своих союзников по Тройственному союзу, остаться ли нейтральной или предпринять иные действия, которые она сочтет необходимыми для защиты своих интересов и для осуществления своих национальных устремлений⁷.

Была, однако, группа людей, которая стояла за участие в

⁷ Даже князь Бюлов в своих мемуарах отвергает обвинение Италии в том, что она якобы изменила своим союзникам, не выступив с ними на войну в августе 1914 г.

войне на стороне союзников по Тройственному союзу, и хотя этих людей было не так уж много, но они были не без влияния благодаря своему положению. Часть офицеров в армии (меньше во флоте) и небольшое число политических деятелей и дипломатов, людей, выросших в атмосфере Тройственного союза, не могли себе представить Италию вне и независимо от него. Так думали такие люди, как, например, сенатор Боллати, бывший тогда итальянским послом в Берлине, а в прошлом постоянный товарищ министра иностранных дел, затем другой, бывший товарищ того же министра, Фузинато, которого предательский, по его мнению, выход Италии из Тройственного союза довел, до умопомешательства и самоубийства; к ним, в меньшей степени, примыкал покойный герцог Аворна, бывший тогда послом в Вене⁸.

Даже среди националистов были такие, которые не представляли себе никакой иной линии поведения, кроме выступления на стороне Центральных держав.

Общественное мнение в своей большей части, независимо от партийной принадлежности, чувствовало инстинктивное отвращение при одной мысли о выступлении на стороне Центральных держав, вследствие того, что мотивы, побудившие эти державы вызвать мировую войну⁹, казались сами по

⁸ По справедливости необходимо сказать, что Аворна добросовестно выполнял полученные им инструкции, как по форме, так и по духу, даже если эти инструкции не совпадали с его личными взглядами.

⁹ В оригинале «to provoke Armageddon», т. е. вызвать ту всемирную битву народов, о которой говорится в Библии. — *Примеч. пер.*

себе предосудительными и агрессивными, а также и потому, что историческая традиция Италии и ее вековая вражда с Австрией не могли быть так легко забыты.

Если бы люди, стоявшие тогда во главе правительства, были такими убежденными сторонниками Тройственного союза, как сенатор Боллати, они, вероятно, убедили бы страну в необходимости выступления на стороне Центральных держав, хотя этим они также вызвали бы еще более глубокий раскол общественного мнения, нежели тот, который фактически получился. Но кабинет состоял не из сторонников Тройственного союза. Премьер Саландра и его коллеги, особенно маркиз ди Сан Джулиано, Орландо и Фердинандо Мартини, с самого начала полагали, что политика поддержки Тройственного союза противоречит интересам всей нации и чувствам огромного большинства итальянского народа.

При такой обстановке провозглашение объявленного правительством нейтралитета Италии было воспринято всей страной с чувством глубокого облегчения. Когда 4 августа Великобритания объявила Германии войну¹⁰, чувство облегчения усилилось в тысячу раз, хотя общественность тогда еще не знала об оговорке в пакте Тройственного союза относительно вступления в войну Великобритании.

¹⁰ Непосредственно перед объявлением Англией войны тогдашний советник германского посольства в Риме уверял автора, что сохранение Италией нейтралитета обеспечит также нейтралитет и Англии.

В странах Антанты нейтралитет Италии вызвал, конечно, большой энтузиазм. Французский министр иностранных дел Делькассе в интервью, опубликованном в номере газеты «Corriere della sera» от 27 августа 1914 г., заявил, что союзные страны не будут противиться итальянским устремлениям.

3 декабря Саландра заявил в палате депутатов, что Италия «должна отстаивать свои жизненные интересы, добиваться достижения своих справедливых целеустремлений и не только сохранить свое положение великой державы, но и принять меры против относительного ослабления Италии в результате возможного расширения территорий соседних держав». Это было совершенно явным намеком на соответствующий параграф договора держав Тройственного союза, в котором Италии предоставлялось право на компенсацию в случае, если бы Австрия расширила свои владения на Балканах, и выраженная здесь мысль легла в основу последующих переговоров Италии с центральными державами. «Поэтому наш нейтралитет, – добавил Саландра, – должен быть не бессильным, а грозно вооруженным и готовым ко всяким возможным случайностям».

Решение Италии сохранить нейтралитет имело действительно огромное значение для стран Антанты; оно было первым вкладом Италии в общую победу. Это ясно видно из анализа военного положения Франции в то время. Если большая часть французской армии сосредоточивалась на се-

веро-восточной и восточной границах, то все же 200 000–300 000 бойцов и много батарей находилось на итальянской границе и на побережье Средиземного моря на случай возможного нападения Италии совместно с Центральными державами. Однако, как только Италия объявила о своем нейтралитете, эти силы были сняты и переброшены для усиления армий, развернутых против Германии. Если бы Италия объявила войну Франции или даже заняла бы двусмысленную позицию, эти войска не только должны были бы остаться на итальянской границе, но Франции, при угрозе ее коммуникациям со своими северо-африканскими колониями, было бы очень трудно перебросить свои многочисленные цветные войска на усиление своей армии. Войска на германской и бельгийской границах, фактически державшиеся с таким огромным трудом против напора германской лавины и вынужденные уступить вторгшемуся противнику значительную часть территории, могли бы быть полностью уничтожены; но не будем вдаваться в излишние догадки о том, что «могло бы быть», а укажем лишь на тот несомненный факт, что нейтралитет Италии был чрезвычайно важным фактором, способствовавшим выигрышу сражения на Марне, и, следовательно, всей войны¹¹.

¹¹ Князь Бюлов утверждает в своих мемуарах, что «объявление Италией нейтралитета дало Франции огромное преимущество, выразившееся в том, что позволило ей оттянуть с южных Альп все войска, развернутые на итальянской границе, и бросить их против Германии. Это подготовило обстановку для Марнского сражения» (Итальянское издание. Т. II. С. 171).

Тем, что Италия объявила нейтралитет, снимался вопрос, который каждый задавал себе: выступит ли она на стороне Антанты или на стороне Центральных держав, или останется нейтральной; выбор для подавляющего большинства итальянцев теперь остался лишь между первым и последним. Формирование добровольческих отрядов, которые шли воевать на стороне французов, свидетельствует о том, что симпатии общественного мнения были преимущественно на стороне Антанты даже в тех кругах, которые все еще неблагоприятно относились к участию Италии в войне. В начале ноября 1914 г. получил первое боевое крещение в Аргонах итальянский легион в составе 4 батальонов. Ни один итальянец не пошел добровольцем сражаться за Германию или за Австрию.

За весь период итальянского нейтралитета, постепенно становившегося все более благоприятным для Антанты, приближая момент выступления Италии на ее стороне, Австро-Венгрии, армии которой были вначале сосредоточены на русском и сербском фронтах, пришлось посылать на итальянскую границу все больше и больше дивизий, которые в противном случае могли пойти на усиление армий, сражающихся против России и Сербии, или даже присоединиться к германцам во Франции. Здесь снова уместен вопрос: каково могло бы быть общее течение хода войны, если бы эти австро-венгерские войска не были сосредоточены в районе Юлийских Альп и в Трентино?

В годы, предшествовавшие войне, Германия и Австрия склонны были считать Италию не особенно ценным союзником Тройственного союза, бесспорно полезным, в особенности после заключения франко-русского союза, но все же второстепенного качества, слабым в моральном и военном отношении и не особенно надежным¹². Саландра в своем труде об итальянском нейтралитете¹³ пишет, что злобещий фон Гольштейн¹⁴, защищая заключение Тройственного союза, оказал австрийскому послу: «Дело вовсе не в прочном и долговременном союзе, а в том, что мы покупаем здесь наемную вспомогательную военную силу, подобную средневековым ландскнехтам»¹⁵. Германские и австрийские политические и военные деятели никогда даже не пытались скрывать свое презрительное отношение к Италии и к ее армии и флоту.

Однако, как только обнаружилось, что война становится неизбежной, германское правительство, обеспокоенное воз-

¹² *Pribram A. Les traits politique secrets de l'Autrich-Hongrie 1897–1914. Le secret de la Triple Alliance. Paris, 1923.*

¹³ *Salandra A. La neutralità italiana. P. 90.*

¹⁴ Барон Фридрих Гольштейн [1837–1909] – германский дипломат, в период 1890–1906 гг. выполнял ряд важных дипломатических поручений и обязанностей.

¹⁵ Ландскнехт – наемный профессиональный солдат. Впервые название ландскнехтов дал наемникам германский император Максимилиан I, который, ведя борьбу с бургундскими князьями и желая подчеркнуть, что он якобы ведет войну не для завоеваний, а для умирения, назвал своих наемных солдат «ландскнехтами», что означает как бы жандарм или судебный пристав. – *Примеч. пер.*

можной враждебностью Италии, начало настаивать на том, чтобы Австрия во что бы то ни стало урегулировала с Италией все спорные вопросы относительно компенсаций, на которые Италия имела право согласно договору Тройственного союза. 27 июля, когда положение сделалось чрезвычайно напряженным, германский посол в Вене от имени императора Вильгельма и фон Ягова¹⁶ умолял графа Берхтольда¹⁷ «бога ради (um Gottes Willen) урегулировать спор с Италией», который ставил под угрозу весь военный план Германии. Говорят, что Берхтольд якобы ответил на это, что Германия может обеспечить мир с Францией, возвратив ей Эльзас-Лотарингию.

В то время как австрийское правительство абсолютно возражало против того, чтобы дать Италии какое бы то ни было удовлетворение как до фактического начала войны, так и после, в период итальянского нейтралитета, некоторые из виднейших военных деятелей Австро-Венгрии, столкнувшись лицом к лицу с кризисом, сразу поняли, что Италия может сделаться угрозой для самого существования их государства. Фельдмаршал Конрад неоднократно настаивал на необходимости превентивной войны против Италии, когда она бы-

¹⁶ Готлиб фон Ягов [1863–1935] – германский дипломат, в 1909–1912 гг. был германским послом в Италии, а в 1913–1916 гг., т. е. как раз во время возникновения и в первые 2 года мировой войны, – был германским министром иностранных дел. – *Примеч. пер.*

¹⁷ Граф Леопольд Берхтольд [1863–1942] – дипломат, в 1912–1916 гг. был министром двора и иностранных дел Австро-Венгрии. – *Примеч. пер.*

ла слаба, так как в противном случае она нападет на Австрию, как только почувствует себя достаточно сильной для этого. Идеи Конрада, с точки зрения его личных воззрений и в атмосфере предвоенного периода, были вполне логичны, так как Италия действительно представляла собой опасность для Австро-Венгерской империи.

Объявление Италией нейтралитета произвело в Германии и Австрии глубокое и потрясающее впечатление, и обе эти державы решили, что если они выиграют войну, – а в этом они были совершенно уверены, – они заставят Италию дорого заплатить за ее отпадение от Тройственного союза. В Вене это известие сначала вызвало почти панику; стали широко распространяться слухи об угрозе нападения Италии, так что Конрад послал в Берлин доклад о катастрофическом положении (s.o.s. messages), умоляя Германию о помощи, а германскому делегату для связи при австро-венгерском главном командовании, генералу Фрейтагу фон Ларингофену, пришлось успокаивать Конрада и обещать поддержку Германии, если Италия действительно нападет на Австрию.

Германия еще лучше Австрии понимала опасность враждебности Италии к Центральным державам и немедленно принялась работать над тем, чтобы оказать давление на Италию с целью убедить ее отказаться от нейтралитета и выступить вместе со своими прежними союзниками; позднее, когда такие действия Италии стали казаться явно невозможными, Германия начала добиваться того, чтобы Италия, по

крайней мере, не выступила на стороне Антанты, а сохранила свой нейтралитет до конца войны. Давление это было двоякое: с одной стороны, Германия пыталась привлечь Италию, предлагая ей взятки за то, что она будет делать все, что ей продиктует Германия; однако, взятки эти были за счет других держав: Ницца, Савойя, Корсика и Тунис должны были быть отняты у Франции, а Австрию нужно было побудить отдать Трентино и, возможно, Истрию (ни разу не заходила речь о Триесте, который был не только единственным крупным морским портом Австрии, но на который и Германия смотрела в некотором смысле как на свой собственный, как на свое окно в Средиземное море); с другой стороны, путем довольно прозрачно завуалированных (*thinly veiled*) угроз тем, какова будет судьба Италии, если она, по крайней мере, не сохранит своего благожелательного нейтралитета. Одна из этих угроз, как рассказывает Саландра, заключалась в том, что сильная партия центра якобы «принудит» германское правительство принять меры к реставрации в той или иной форме светской власти Ватикана. Следует добавить, что сам Ватикан никогда не принимал участия в подобного рода интригах.

Угрожая Италии, Германия обнаружила свое обычное непонимание чужой психологии, ибо ее угрозы лишь раздражали общественное мнение в целом и укрепляли антигерманские настроения в антантофильских кругах. Упорно распространявшиеся за границей слухи о том, что крупные си-

лы германской армии не введены в дело и содержатся в готовности напасть на Италию, если она осмелится проявить себя враждебно по отношению к Центральным державам, и о том, что жестокости, проявленные германцами в Бельгии и во Франции, померкнут перед теми репрессиями, которые германцы еще покажут, если они вторгнутся в Италию, вызвали эффект, как раз обратный тому, на который рассчитывала Германия.

Давление, которое Германия оказывала на Австрию, чтобы побудить ее сделать Италии некоторые уступки, было основано на условиях Тройственного союза. Впоследствии, под давлением Германии и учитывая ход событий, Австрия неохотно дала несколько обещаний, полных всяких оговорок; она намекнула только, что, может быть, она и уступит небольшую часть того, чего добивалась Италия, но и то лишь после окончания войны. В то же время Австро-Венгрия, как это явствует из утверждения покойного графа Тиссы¹⁸, решила, что после войны она нарушит все обещания, которые она была бы вынуждена дать Италии, и откажется от передачи ей тех территорий, которые она обязалась бы ей отдать¹⁹.

Саландра и барон Соннино отказались рассматривать германские предложения, сделанные за счет Франции, но они

¹⁸ Граф Стефан Тисса [1863–1918] – в 1903–1905 и 1913–1917 гг. был одним из руководителей внешней политики Австро-Венгрии, занимая пост венгерского премьер-министра. – *Примеч. пер.*

¹⁹ Это подтверждает и последний австро-венгерский посланник в Италии барон Маккио, который говорит о временном характере намеченных уступок.

не могли так легко отвергнуть уступки, предложенные Австрией. Они чувствовали, что им не будет оправдания, если они ввергнут страну в ужасы войны, пока еще не потеряны все надежды на завершение независимости Италии иными путями.

Несмотря на нежелание Австрии сделать какие бы то ни было уступки итальянским требованиям, даже в официальных кругах существовало общее убеждение, что если Италия присоединится к Антанте, то Австро-Венгрия будет обречена. Так как движение за выступление Италии на стороне Антанты стало разрастаться все шире, Германия послала в Италию в качестве чрезвычайного посла князя Бюлова²⁰, а Австрия послала с такими же полномочиями барона Маккио для замены им дерзкого и надменного Мерей фон Капосмера²¹ и чтобы сделать последнюю попытку удержать Италию от выступления. В марте 1915 г. Австрия сделала Италии первое более или менее определенное предложение; она была готова уступить Италии Трентино вплоть до линии, проходящей непосредственно к северу от Триеста, взамен благожелательного нейтралитета Италии, предоставления Австрии полной свободы действий на Балканах и при условии, что Италия не будет требовать больше никаких до-

²⁰ Его выбрали ввиду его аристократических связей в Италии, так как его жена была дочерью донны Лауры Мингетти от ее первого мужа князя Кампоралья.

²¹ Мерей фон Хапосмер, по другим источникам Мерей Каэтан или просто Мерей, – австро-венгерский дипломатический деятель. С 1910 по 1916 г. был австро-венгерским послом в Италии. – *Примеч. пер.*

бавочных территорий, какие бы дальнейшие приобретения Австрия ни сделала. Италия отклонила это предложение, как совершенно неприемлемое, так как в нем не делалось никаких уступок в Венецианской области. 10 мая барон Буриан²² расширил первоначальное предложение Австрии, включив в него полностью Трентино и доведя уступаемую территорию до языковой границы на востоке, включая Кармоне, но без Горицы; Триест должен был сделаться вольным городом, а остров Пелагоза должен был отойти к Италии; последние два предложения, в случае их принятия, должны были быть реализованы немедленно, в то время как территории в Трентино и Венецианской области должны были быть переданы лишь по окончании войны²³.

Эти обещания, даже если бы они были честно исполнены, – а мы теперь уже знаем, что Австрия не имела намерения их исполнить, – были бы лишь частичным и неполным решением вопроса; ряд серьезных проблем, касающихся итало-австрийской границы, и вопросов ирредентизма остался бы неразрешенным и явился бы источником споров в будущем. Истинная причина наличия скрытых задних мыслей у австрийских государственных и военных деятелей, о чем говорило их нежелание договориться с Италией, заключалась в том, что они хотели сохранить границы, с ко-

²² [Стефан Буриан, 1851–1922]. В январе 1915 г. он сменил графа Берхтольда на посту министра иностранных дел Австро-Венгрии [1915–1916, 1918].

²³ Австрийская «Красная книга», № 178.

торых австрийским армиям удобно было бы вторгнуться в Италию в любой момент, тогда как Италия требовала для себя такой границы, которая не благоприятствовала бы вторжению ни с той, ни с другой стороны.

Тем временем Италия вела и с Антантой²⁴ переговоры относительно возможных условий, на которых Италия согласилась бы выступить на ее стороне, и когда Австрия выступила с вышеуказанным предложением, а с другой стороной было уже заключено соглашение в форме Лондонского договора 26 апреля 1915 г., попытки Джолитти добиться отставки Саландры и принятия австрийского предложения провалились перед лицом взрыва национального негодования, нашедшего в значительной части свое выражение на страницах органа Бенито Муссолини «Popolo d'Italia», и 24 мая Италия вступила в войну.

Условия, которые выдвинула Италия и которых она добилась от Антанты, как цены за свое выступление, заслуживают внимательного изучения, так как в дальнейшем им суждено было оказать сильнейшее влияние на ход последующих событий, как во время войны, так и после нее, в особенности ввиду неоднократных попыток прочих участников Лондонского соглашения отказаться от взятых на себя обязательств. В первую очередь Италия добивалась завершения своего на-

²⁴ Эти переговоры начались, как свидетельствует Саландра, еще до того, как Австрия сделала какое-либо предложение, в период, когда Австро-Венгрия в течение многих месяцев вела двойственную игру (shilly – shalling).

ционального объединения путем аннексии областей, населенных полностью или преимущественно итальянцами или народами с определенно итальянскими традициями и культурой и находившихся еще под австрийским игом, а именно: Трентино, Триеста, Горицы-Градиски, Истрии и Далмации. Во-вторых, для Италии было совершенно необходимо добиться удовлетворительных границ, которые было бы легко оборонять; Италия не искала удобных случаев для нападения на своих соседей, но она определенно решила уничтожить в корне угрозу австрийской агрессии, нашедшую себе выражение в «несправедливых границах», установленных в 1866 г.²⁵ Поэтому, кроме Трентино, она требовала Адидже Альто, чтобы расширить свою границу до водораздела Бреннер, и кроме чисто итальянских областей, лежавших за ее тогдашней северо-восточной границей, еще весь район до самого гребня Юлийских Альп, включая некоторые славянские и смешанные итало-славянские районы. На эти и некоторые другие притязания Италии – относительно Албании, Ближнего Востока и африканских колоний, – сущность которых я сейчас не разбираю, были согласны Великобрита-

²⁵ «Несправедливыми границами» Италия считала свою границу с Австро-Венгрией на северо-востоке Италии. Эти границы были установлены в результате австро-итальянской войны 1866 г., когда Италия выступила против Австрии на стороне Пруссии. Итальянские войска, посланные для оккупации Венецианской области, успели достичь только реки Изонцо и ручья Юдрио, когда между Пруссией и Австрией был заключен мир. Впоследствии здесь была установлена граница, дававшая Австро-Венгрии удобство вторжения в Италию. Эту границу Италия считала все время «несправедливой» и требовала ее пересмотра. – *Примеч. пер.*

ния, Франция и Россия; исключение составляла лишь Далмация, большинство населения которой, конечно, не столь значительное, как это утверждали австрийское правительство и юго-славяне, составляли хорваты и сербы, а Россия, как покровительница всех славянских племен, противилась включению их в состав Италии²⁶. Одно время Россия действительно неблагосклонно относилась к выступлению Италии, так как она стремилась сохранить территорию к востоку от Адриатического моря для своих протекторов и совершенно не понимала и не видела необходимости этого выступления, хотя она сама и нуждалась в нем более чем кто-либо другой из союзников. Наконец, был достигнут предварительный компромисс, в силу которого северная Далмация, включая города Зару и Себенико, должна была отойти к Италии, а южная – к Сербии и Черногории. Фиуме не был включен в итальянскую сферу, а передавался Хорватии; это условие показывает, что в то время не думали о полном уничтожении Австро-Венгерской империи, так как предполагалось, что эта держава будет продолжать существовать, хотя и лишится некоторых своих окраин, включая Триест и Истрию, и будет нуждаться в выходе к морю, которым мог бы послужить Фиуме; этим объясняется наличие в договоре пункта, которым предусматривалось присоединение Фиуме не к Югославии,

²⁶ Сначала Сазонов действительно предлагал Италии всю Далмацию, так сильно он стремился заручиться ее обещанием вступить в войну, но позднее он взял это предложение обратно (*Salandra A. L'intervento. 1915*).

которой тогда еще не существовало и о которой никто еще не думал, а к Хорватии, которая, как предполагалось, останется в составе Австро-Венгрии.

Итальянское правительство допустило ошибку, не включив в число условий вступления в войну финансовую поддержку. Хотя Италия и была беднее остальных главных союзных держав, единственным финансовым условием, которое она выдвинула, было содействие британского правительства размещению на лондонской бирже итальянского займа в 50 млн фунтов стерлингов, сущих пустяков для такой войны. Впоследствии Италия получила еще некоторую поддержку, когда стало очевидным, что без нее Антанта не в состоянии вести войну; Италия раньше, чем некоторые другие воевавшие страны, начала регулярно выплачивать свой долг кредиторам, которые, в особенности США, неизмеримо богаче Италии, хотя займы были заключены для закупки военного имущества и прочих предметов снабжения в представивших займы странах и по ростовщическим ценам²⁷.

На таких-то условиях Италия дала согласие вступить в борьбу за общее дело всеми своими наземными, морскими и воздушными силами.

²⁷ По американским источникам известно, что американские поставщики и фабриканты, снабжавшие Италию военными припасами и прочими товарами, получали прибыль до 80 %.

Глава вторая. Выступление Италии

(схемы 1 и 2)

Рассказывают, что в период нейтралитета Италии один французский дипломат сказал, что Италия якобы «*volera au secours du vainqueur*» («бросится на помощь победителю»). Была ли эта злобная ложь действительно произнесена или нет, однако, нет сомнений, что она выражает мысли группы людей во Франции и в других странах и показывает, насколько неправильно понималась многими кругами вся политика и действия Италии и как эта «политика повсюду искажалась с самого начала мировой войны. Несмотря на последующее участие Италии в войне и на огромные жертвы, которые она принесла для достижения общей победы, цитированная выше фраза сохранилась, как не высказываемая мысль, у значительной части европейского общества, которая была убеждена в том, что с 1 августа 1914 г. по 24 мая 1915 г. Италия занимала выжидательное положение; и прежде чем решиться на какие-либо действия, наблюдала, какая сторона выиграет. Д. Отрив в «*Revue de deux mondes*» (май 1925 г.), в статье, посвященной войне 1866 г., высказывает, хотя и в менее грубой форме, более или менее подобный взгляд, утверждая, что «*la victoire des autres assurait à l'Italie un bénéfice considerable, comme le fait setait déjà produit, comme il devait*

se reproduire un demi siècle plus tard» («чужая победа обеспечивала Италии значительную выгоду, что бывало уже в прошлом и что должно было повториться полвека спустя»).

Было ясно, что, каково бы ни было решение, которое Италии пришлось бы, в конце концов, принять, она должна была с самого начала войны взвесить возможности своего выступления и принять необходимые мероприятия для защиты своих собственных интересов и своей безопасности.

Итальянская армия подверглась суровым испытаниям во время войны в Ливии²⁸, где была израсходована значительная часть ее запасов и имущества, а тогдашний премьер-министр и фактический диктатор Италии Джованни Джолитти не позаботился о восстановлении запасов.

²⁸ Конец XIX в. характеризуется чрезвычайной активностью европейских капиталистических держав в области колониальных завоеваний; в частности, объектом этой империалистической экспансии являлась Африка. Воспользовавшись тем, что соперница Франции, Англия была занята войной с бурами (1899–1902), французы с 1899–1901 гг., после ряда жестоких сражений с туземными племенами, прочно внедрились в Марокко. Италия, устремившись также в Африку, в 1900 г. заключила с Францией договор, согласно которому Франции предоставлялась полная свобода действий в Марокко, а французы взамен этого обязались не препятствовать итальянцам распространить свое влияние на непокоренные еще области Северной Африки. Этот договор нанес значительный удар Тройственному союзу. Италия имела притязания на Ливию, хорошо связанную морскими путями с Аппенинским полуостровом. В 1912 г. Италия после короткой войны с Турцией приобрела значительную часть Ливии, или иначе – Триполитании, с крупным портом на Средиземном море – Триполи. Египетские племена еще долго восставали против итальянского владычества в Ливии, что вынуждало Италию иметь в Африке крупные гарнизоны и экспедиционные части. – *Примеч. пер.*

Когда Саландра сделался премьер-министром, он выяснил состояние военных запасов и пришел в ужас от обнаруженных недостатков.

Число солдат, находившихся под ружьем в августе 1914 г., было больше, чем обычно, в связи с обстоятельствами, которые в Италии предшествовали началу мировой войны. В то время был установлен двухлетний срок обязательной военной службы, и поэтому нормально в рядах армии всегда было два призывных возраста²⁹. Но в тот момент, кроме состоявших в армии призывов родившихся в 1883 и 1894 гг., под знаменами еще находились и родившиеся в 1891 и 1892 гг., которые должны были быть уволены, но были задержаны ввиду продолжавшегося сопротивления арабских племен в Ливии, даже после того, как в октябре 1912 г. с Турцией был заключен мир, а также ввиду революционной вспышки в июне предыдущего года и угрозы беспорядков со стороны крайних партий. Таким образом, численность армии составляла 14 000 офицеров и 284 000 рядовых. После начала войны были также призваны обратно под знамена родившиеся в 1889 и 1890 гг., что привело к наличию в армии шести призывов вместо нормальных двух.

Хотя в течение 1906–1914 гг. в армии и были проведены кое-какие усовершенствования, однако, они никоим образом не могли еще считаться завершенными; огромное ко-

²⁹ Лицами призывного возраста считаются лица, которым в данном году исполнилось 20 лет.

личество молодежи призывных возрастов было освобождено от военной службы, и так называемая третья категория, освобожденная по закону от обязательной двухлетней военной службы, хотя и должна была, как предполагалось, пройти краткую военную подготовку, но таковой не получила, так что, в случае всеобщей мобилизации, можно было рассчитывать лишь на тринадцать призывных возрастов. Офицеров и унтер-офицеров было недостаточно, а подготовкой офицеров запасов пренебрегали³⁰. Полевая артиллерия была в процессе реорганизации и частично была еще вооружена орудиями устарелых систем; тяжелых и средних орудий было мало, запасы снарядов были скудны. Пехота имела всего лишь один пулеметный взвод на полк, а воздушные силы и моторизованный транспорт только зарождались. Обмундирования и всех прочих видов снабжения было недостаточно. Не хватало также и гужевого транспорта.

Немедленно вслед за объявлением нейтралитета военный министр принялся за реорганизацию армии, пополнение военных складов и перевооружение артиллерии, дабы итальянский нейтралитет был, как говорилось в правительственном сообщении, «бдительным и вооруженным».

Теперь рассмотрим, какова была военная обстановка, когда Италия 24 мая 1915 г. вступила в войну. После сражений

³⁰ Люди с высшим образованием, которые несли свою обычную военную службу, после испытаний производились в офицерский чин, служили офицерами в течение 3 месяцев и затем возвращались на гражданскую службу, где и служили до призыва под знамена.

на Марне и во Фландрии война на Западном фронте фактически застыла в грандиозной системе окопов на всем протяжении северо-восточной Франции и в северо-западном углу Бельгии от Ла-Манша до Вогезов. Маршал Жоффр остановил наступление германцев на Париж и на порты Ла-Манша, но, не чувствуя себя в состоянии предпринять энергичное контрнаступление против вторгшегося противника, он перешел к методу, который назвал «подгрызание», или войной на истощение противника путем ряда небольших операций в ограниченных районах и с ограниченными целями, как, например, операции в Пикардии, в Артуа и в Шампани, проведенные в конце осени 1914 г. Но эти операции оказались очень дорогостоящими, и если цели их были ограниченными, то результаты оказались еще более ограниченными и в итоге союзники оказались настолько же истощенными, насколько и германцы.

На Восточном фронте, после больших сражений у Танненберга, Мазурских озер и под Львовом, бои продолжались непрерывно всю зиму. Русским удалось отразить второе наступление Гинденбурга на Варшаву, а в марте 1915 г. они пытались перейти через Карпаты; к концу этого месяца они захватили большую крепость Перемышль и угрожали Кракову и перевалам, ведущим в Венгрию – к одному из самых важных и уязвимых районов на всей территории Центральных держав.

Но если зима окончилась не так уж неблагоприятно для

Антанты, то в начале весны обстановка резко изменилась к худшему. На западе германцам в апреле удалось сильными атаками с широким применением отравляющих веществ в значительной степени уменьшить выступ около Ипра, в то время как наступление французов в Артуа, начатое 9 мая, дало лишь скудные результаты ценой больших потерь. Гораздо более серьезным было положение на восточном фронте. Гинденбург, начавший наступление в северо-восточном направлении, овладел Либавой и только на 50 км не дошел до Риги. 1 мая 5 австро-германских армий атаковали русских в Галиции между Тарновом и Коломыей, а знаменитая фаланга Макензена совершила прорыв между Горлицей и Тарновом; севернее эрцгерцог Иосиф форсировал реку Дунаец, а южнее австрийская армия генерала Бем-Эрмолли отбросила русских от карпатских перевалов. Русские армии были отеснены назад за реку Сан, а Макензен, переправившись 15 мая через эту реку, снова вступил в Ярослав, а затем в Перемышль.

Сербы после ряда блестящих побед над австрийцами впали в состояние инертности.

Дарданелльская экспедиция, которая была блестяще задумана Уинстоном Черчиллем, но гораздо хуже проведена как на море, так и на суше, совершенно провалилась; отказ от ее продолжения становился неизбежным, и о нем уже начинали говорить. В Болгарии король Фердинанд и его премьер-министр Радославов, остававшиеся глухими к просьбам дипло-

матических представителей союзников и к призывам о расовой солидарности, готовились связать свою судьбу с Центральными державами.

В Греции господствовали германофильские или, во всяком случае, нейтральные тенденции, а король и Генеральный штаб были неблагоприятно расположены к союзникам и не доверяли им. Румыния занимала еще весьма неопределенную позицию.

Таким образом, общая обстановка в апреле – мае 1915 г. сложилась для Антанты весьма неблагоприятно, и, казалось, не было никаких перспектив достигнуть победы в ближайшем будущем. В Италии и других странах многие полагали, что Центральные державы выйдут победителями, в то время как прочие надеялись, в лучшем случае, на «ничейный» исход войны. Людей, убежденных в конечной победе Антанты, было немного. В этот-то момент Италия, наконец, решила выступить на стороне Антанты. Ей пришлось преодолеть много серьезных препятствий, прежде чем она смогла выступить. Прежде всего, были сильные нейтралистские настроения у многих руководящих политических деятелей, начиная с Джолитти, который, хотя и был не у дел, но оставался еще наиболее влиятельной политической фигурой в Италии и пользовался поддержкой большинства в палате и в сенате, какова бы ни была избранная им политика. Затем можно было наблюдать некоторую нерешительность у многих итальянцев, которые, хотя и понимали, что именно Австрия нару-

шила условия Тройственного союза, но колебались, прежде чем решиться выступить против своих бывших союзников; следует еще учесть существовавшую в то время численно небольшую, но энергичную, активную и влиятельную германофильскую группировку. А главное заключалось в том, что весной 1915 г. итальянский народ, в отличие от народов воюющих стран в августе 1914 г., полностью узнал, что означают ужасы войны не только для действующей армии, но для всего народа, и понял, что если даже война окончится победой Антанты, то этого отнюдь нельзя будет добиться в течение нескольких недель.

Как мы уже отметили, объявление Италией нейтралитета имело серьезные последствия. Французский Генеральный штаб сразу же оценил это, а французский посол в Риме признал недавно, что объявление нейтралитета дало возможность главному командованию перебросить на западный фронт находившиеся тогда на юге Франции 6 дивизий генерала Д'Амада. Германский генерал Фалькенгайн пишет, что нейтралитет Италии послужил причиной серьезных колебаний Австрии и Германии относительно возможности переброски австрийских войск с итальянской границы, и действительно, вместо снятия этих войск Конрад впоследствии решил усилить их дополнительными частями в ущерб развитию операций на русском и сербском фронтах.

Некоторые круги заявляли, что ввиду недостаточной военной подготовки Италии весной 1915 г. ее выступление

вместо того, чтобы быть решающим фактором, как этого ожидали, не оказало союзникам ощутимой помощи. Фактически же, как бы ни было ценно для союзников выступление Италии, нельзя было и ожидать, что оно обеспечит немедленную победу. Но оно с самого начала содействовало восстановлению равновесия между двумя воюющими группами, которое в то время было сильно нарушено в пользу Центральных держав, и помешало последним развить сокрушительное наступление крупными массами на одном из союзных фронтов и, может быть, добиться победоносного прорыва.

В первый период войны австрийские позиции в Трентино и Юлийских Альпах были заняты слабыми частями, но по мере того, как вероятность выступления Италии возрастала, эти позиции постепенно укреплялись, так что в мае 1915 г. они фактически были уже далеко не беззащитны и заняты не случайно собранными частями. Критики стратегии генерала Кадорны даже в Италии иногда утверждают, что если бы он в самом начале итало-австрийской войны энергично перешел в наступление, он без труда проник бы далеко вглубь неприятельской территории, а возможно, достиг бы и полной победы, ускорив, таким образом, конец войны на всех фронтах. Тщательное изучение фактов и документов не подтверждает этого взгляда.

Конрад в письме генерал-адъютанту, барону Больфрасу, от 21 мая, т. е. за 3 дня до объявления Италией войны, писал:

«Вероломство Италии принесло плоды, которые я предвидел уже много лет, и цветочки, которые я давно уже хотел уничтожить. В то время мы могли довольно легко справиться с этой задачей; чтобы выполнить ее сейчас, мы уже нуждаемся в посторонней помощи. Вы легко можете представить себе, как больно мне сознавать необходимость этой помощи. Мы должны учитывать, что главной целью наступления Италии будет долина Изонцо. Следовательно, все оборонительные меры приняты соответственно этому». Конрад говорил правду: действительно, в течение многих месяцев проводилась тщательная подготовка к обороне фронта в Изонцо, в то время как фронт в Трентино, который еще легче оборонять, благодаря его естественным особенностям, был за много лет до войны превращен в огромную крепость: каждая гора и каждая важная командующая высота ошестинились пушками и были защищены сложными фортификационными сооружениями с броневыми укрытиями; множество военных дорог разветвлялось по всем направлениям, служа продолжением железнодорожных линий, шедших из глубины страны.

С самого начала мировой войны, за 10 месяцев до выступления Италии, австро-венгерское главное командование уже учитывало «необходимость тщательного изучения обороны юго-западных границ империи и соответствующего их оборудования». Генералу фон Рору³¹ было поручено командо-

³¹ В конце 1915 г. генерал фон Рор командовал австрийской армией в Каринтии. — *Примеч. пер.*

вание всеми войсками в этом районе и предписано провести все необходимые мероприятия. Сначала он имел в своем распоряжении немного войск и невысокого качества, состоявших главным образом из маршевых частей, ландверных батальонов, добровольцев и рабочих частей, сформированных из военнопленных. Но он приложил огромные усилия для приведения в порядок этих войск и поставил перед собой задачу наилучшим образом использовать тот материал, которым он располагал.

Что же касается оборонительных работ, выполненных в течение 10 месяцев итальянского нейтралитета, то о них красноречиво говорят австрийские официальные документы: в скалах было вырублено несколько сот пещер (в одном только Трентино их было 300), были в полной степени приспособлены и использованы естественные пещеры, которых очень много на Карсо, были вырыты десятки километров окопов, прикрытых широкими полосами проволочных заграждений, зачастую в 12 м глубиной, были сооружены блокгаузы, построены новые грунтовые и железные дороги, — словом, было сделано все, чтобы создать полную и стройную систему обороны, не имеющую себе равных по своему характеру, поскольку она была тщательно подготовлена на основе опыта, приобретенного за последние месяцы на других фронтах, и поскольку работы производились без помехи со стороны противника.

На самой реке Изонцо организация обороны несколько

задержалась, так как австро-венгерское главное командование сначала не решило, где должны были проходить линии сопротивления. Действительно, существовал один план, по которому итальянцев следовало допустить и даже заманить до Лайбаха в Карниоле, где они должны были быть атакованы во фланг и тыл и совершенно уничтожены силами, сосредоточенными в долинах Савы и Дравы в составе 3-х корпусов, которым должны были быть приданы 10 германских дивизий. Но от этого плана пришлось отказаться, так как тогдашний начальник германского Генерального штаба, генерал Фалькенгайн, отказался предоставить германские войска, являвшиеся необходимым условием его выполнения, потому что он скептически относился к успеху этого плана, а также потому, что он не соглашался на неопределенный период приковать к месту такие крупные германские силы. Кроме того, как он сам это утверждал, до тех пор, пока Италия не объявит войну Германии, он считал бессмысленным прерывать проходившие через Италию пути сообщения Германии с внешним миром³². В действительности же эти пути были перерезаны еще тогда, когда Италия формально не была в состоянии войны с Германией; но Фалькенгайн, подобно другим германским руководящим государственным деятелям, все еще надеялся, что можно будет договориться о продлении торговых сношений с Италией и транзита через нее.

³² Falkengain E. Die Oberste Heersleitung. S. 82.

Поэтому Конраду пришлось изменить первоначальные планы, и 21 апреля он отдал приказ: закрыть переправы через Изонцо южнее Тольмино и оборудовать укрепления по западному краю Карсо.

К концу этого месяца оборонительные работы на участке Изонцо были в спешном порядке выполнены, и к середине мая генерал, командующий территориальным районом Граца, и генерал фон Рор имели возможность утверждать, что вся линия обороны значительно усилена. Генерал Лукашич, на которого было возложено выполнение работ на плато Карсо, свидетельствует о большой энергии и быстроте, с которыми эти работы были выполнены³³. Эрцгерцог Евгений считал Саботино неприступным, а начальник штаба фельдмаршала Боровича, генерал Краусс, писал, что «с самых первых дней войны вместо поспешной и частичной оккупации и, следовательно, создания некрепкого фронта, первая линия обороны была создана упорной волей к стойкому сопротивлению, и гарнизон этой линии обороны был полон решимости не отдавать врагу ни одного вершка»³⁴

³³ *Lukachich G.* The Defence of Dobredo. Budapest, 1918.

³⁴ *Krauss A.* The first Defence of the Isonzo // *Schwartze der Grosse Krieg.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.